

**5 реальных текстов ЕГЭ 2017 по русскому языку. Реальные тексты ЕГЭ 2017 с теми проблемами, которые можно было выделить.**

Отрывок из «Мадонна с пайковым хлебом» Глушко Мария  
Проснулась уже утром, поезд опять стоял — где-то недалеко от Пензы, — в окно с поднятой шторой било солнце, за окном тянулись пустые поля, все в белых гребнях изморози, по ним разгуливали большие птицы, в небе застыли белые комочки облаков; женщина в пуховом платке и ватнике шла по тропинке, несла на плече вязанку хвороста, следом бежала девочка в маленьких черных валенках и красных рукавичках — просто не верилось в это утро, что есть война.

Ехали вместе пятые сутки и многое знали друг о друге. Например, эта красивая женщина — ее звали Халима — пробирается с детьми в Челкар. У нее погиб муж на западной границе, она хотела сперва вернуться в Казань, на родину, но потом раздумала: в Казани у нее — никого, а в Челкаре — родные мужа. Сейчас легче тем, кто в куче, добавила она. А сестры — молодые учительницы из Полтавы, их поезд разбомбило, и все вещи погибли, успели выскочить, прихватив документы и узелок с едой.

Лев Михайлович — тот старик, что спал у нее в ногах, — беженец из Прибалтики, с самого начала войны скитался по городам, разыскивал племянницу, больше у него никого из родных нет. Теперь вот нет и дома. Знакомые в Москве сказали, что племянница выехала в Ташкент. С юмором и без обиды рассказывал он, как перепугало знакомых его «явление в Москве»: сперва приняли за бродягу — так обтрепался он за дорогу, — потом, когда узнали, испугались еще больше, решили, что осядет у них, и хором уговаривали ехать в Ташкент, даже деньгами помогли.

Льва Михайловича сейчас в купе не было, и Нина, уже привыкшая к нему, беспокоилась: не отстал бы!

Лев Михайлович разлил кипяток — Нина заметила на его пальце след обручального кольца, — потом отнес чайник, вернулся, сел рядом с капитаном.

— А вы? — Нина кинула в банку с кипятком несколько кусков сахара, сделала бутерброд с сыром, протянула ему. — Завтракайте и пейте чай.

Лев Михайлович покачал головой.

— Я уже завтракал, благодарю... На станции. К тому же, я остаюсь в Пензе.

Это известие ошеломило Нину. Она привязалась к этому человеку, которого сперва тоже испугалась, как и его московские знакомые, — не брит, не ухожен, пальто все в грязных пятнах, обвисли поля старой шляпы, — но он оказался человеком интеллигентным, с хорошими манерами, Нина потом узнала, что он, владеет несколькими языками, в свое время преподавал в университете, вышел на пенсию, а теперь вот война сделала его беженцем. Он неназойливо опекал Нину все эти дни, приносил ей со станций все, что удавалось достать: вареную картошку, воблу, кислую капусту в капустном листке, выкладывал перед ней на столик: «Это не вам, это грядущему поколению-с!» А как спокойно и надежно ей было, когда он спал полусидя, привалившись к ее ногам, а днем шутил, называл «деточкой», заговаривал ее тревогу... Как же теперь без него?

И вдруг она все поняла: у него кончились продукты! Он голодный, он не мог завтракать на станции, потому что никакой тут станции нет, поезд стоял на разъезде! Он не может без продуктов ехать дальше!

Я знаю, почему вы выходите в Пензе, знаю, — сказала она. — Но это же не причина, это, простите, мелочно... Вот есть сыр, и у меня много хлеба, потом еще достанем...

Тут и учительницы подключились, стали уговаривать, отрезали ему сала, но он засмеялся, выставил ладони:

— Дорогие дамы, благодарю, но я еще так Низко не пал, чтобы пойти на иждивение к женщинам.

Она все стояла и смотрела ему вслед и думала, что, наверно, этот человек жил хорошей интересной жизнью, у него была квартира и в ней много старинных книг, а может, был и рояль — у него длинные артистические пальцы, — и он играл вечерами, а в доме пахло цветами. А теперь вот скитается — бездомный, осиротевший и голодный, ему негде приклонить голову, и все из-за проклятой войны! И сколько еще людей страдает на дорогах войны, каждый день идут плохие новости, и всякий раз перед сводкой Совинформбюро болью сжимается сердце...

Проблемы:

Война ломает судьбы людей.  
Жизнь мирного населения во время войны.  
Взаимопомощь в сложных ситуациях.

**Андрей Соболев**  
**Верить автору**

***Андрей Соболев** – член Комитета Совета Федерации по науке, образованию и культуре; журналист, поэт-песенник; представитель от исполнительного органа государственной власти города Севастополя.*

В наше время чтение художественной литературы, по сути, – привилегия. По крайней мере для людей из деловых кругов или мира политики. Слишком много времени отнимает этот род занятий. Недосуг. Да и чтение – это тоже работа, и в первую очередь – над собой. Пусть незаметная, не столь обременительная, но у человека, потратившего день на решение проблем, требующих интеллектуальной и душевной отдачи, порой просто не остается сил поинтересоваться новинками литературы. Это никого не оправдывает, но причины очевидны, а стойкую привычку к серьезному чтению выработали не все. Увы.

Для большей части взрослых и пожилых людей в наши дни телевидение и кино заменяют чтение, они если и знакомятся с новинками книжного рынка, то за редким исключением в примитивном киноизложении.

Молодежь же все чаще познает мир слова через наушники плееров и интернет-ресурсы, на смартфонах и планшетах, которые всегда под рукой.

Мне возразят, что книжные магазины не пустеют, электронные версии книг во множестве скачивают и читают, Союз писателей, слава богу, не распался. Все верно, мастера слова живы, тяга к чтению – отличительная черта русского мира – еще не истреблена, но, применю известную формулировку, «узок круг этих революционеров». Цены на печатное слово сегодня не сломили только самых стойких, любознательных и одухотворенных. Сокращение сети книжных магазинов и библиотек уж никак не способствовало увеличению

числа читателей в самой читающей стране. Качество издаваемой продукции порой отрицает сам термин «литература», а пробиться сквозь буйное многообразие детективов и любовно-криминальных поделок у нормальной книжки шансов немного. К тому же спросите у любого пишущего: во что обходится издание его книг и можно ли жить этим ремеслом?

Возможно, я сгущаю краски и кто-то сумеет нарисовать более оптимистичную картину, но мне кажется необходимым учитывать реалии времени.

Себя отношу к той категории людей, что заняты делом – политикой, общественной деятельностью. Но мой пример не типичен. Умудряюсь читать и даже писать. Последнюю свою книгу, четвертый сборник стихов и песен «Перевернутая страница», выпустил в октябре 2014 года. Не останавливаюсь на этом, папки рукописей и черновиков пополняются, хотя перелеты, поездки и ночные бдения – вот весь писательский ресурс, который у меня остается.

С чтением еще сложнее, паузы выпадают редко. Но урывками (не за один присест) прочел недавно две новинки «Тайны и мифы науки. В поисках истины» Александра Городницкого и «Все потерять и вновь начать с мечты» Вадима Туманова. В таком же режиме читаю сейчас «Берлинскую лазурь» Владимира Конкина и «Совсем другое время» Евгения Водолазкина.

Если попытаться охарактеризовать недавно прочитанное, то первое, что приходит на ум: это написали ЛИЧНОСТИ! И Городницкий, и Туманов в эпитетах и представлениях не нуждаются. Люди, сделавшие себя сами. Им веришь. Сама история их жизни не позволяет усомниться в выводах и формулировках. А ведь это очень важно – верить автору, что бы мы ни читали – научную литературу, роман или мемуары. Знаменитое «Не верю!» Станиславского проникает сейчас во все жанры и виды искусства. И если в кино динамика кадра и лихость сюжета могут отвлечь внимание зрителя от нестыковок и откровенной фальши, то печатное слово сразу выталкивает на поверхность всякое вранье, все, что написано ради красного словца, высосано из пальца. Воистину – писаное пером не вырубишь топором. Всякий раз, сочиняя строчку, стих, песню, статью, я думаю: а не пустышка ли это, которая бесследно канет в море ей подобных, став лишь оскорбительной попыткой встроиться в ряд литературных имен, «просиявших» на нашей земле. Поверят ли? Ведь глобальное недоверие, пришедшее к нам из

политики, все прочнее укореняется в литературе, искусстве и, конечно, повседневной жизни. Может, оттого, что на историческом пути нас слишком долго обманывали и водили за нос?

Проверяя читательский багаж прошлых лет, прихожу к выводу, что я всегда неосознанно тянулся к авторам, не только отмеченным писательским талантом, но и обладавшим выдающейся личной историей. Биографией, как тогда говорили. В советское время информация о личной жизни популярных авторов была дозированной, а порой и недоступной, о пиаре тогда никто и не догадывался. Но крупницы их дел и поступков были у всех на слуху, оживляли образ и увеличивали наши симпатии и степень доверия. Так было с Маяковским, так было с Высоцким и Визбором. С Солженицыным и Шаламовым, Гашеком и Лемом. И многими другими, чьи тексты мы разбирали на цитаты, чьи книги становились самыми убедительными аргументами в спорах.

Многие из тех, кто ныне пробавляется писательским трудом, в жизни поступками не отмечены, хотя информационная среда и технологии позволяют из любого мало-мальски значимого события сделать мощный пиар. Личные встречи с читателями, столь популярные в прошлом, перестают быть элементом взаимопознания автора и читателя. Но бывает и по-другому. Вот вспомнилась последняя встреча с Олесем Бузиной. В севастопольском книжном магазине он презентовал книгу. Яблоку негде было упасть. Мы и не поговорили толком: затолкали почитатели, но для него такая форма знакомства и общения с читателями была не менее важной, чем написание книг. Он был настоящим и знал цену слову. Цену его слова тоже знали. Финал известен.

Не знаю, что является критерием настоящей литературы, для меня главным мерилom был и остается результат – чтобы тебе поверили.

Проблемы:

Угасание интереса к чтению (у молодёжи).

Книги уступают место другим источникам информации.

Санин «72 градуса ниже нуля»

Гаврилов — вот кто не давал Сеницыну покоя.

Память, не подвластная воле человека, сделала с Сеницыным то, чего он боялся больше всего, — перебросила его в 1942 год.

Он стоял на часах у штаба, когда комбат, сибиряк с громовым басом, отдавал приказ командирам рот. И Сеницын слышал, что батальон уходит, оставляя на высоте один взвод. Этот взвод должен сражаться до последнего патрона, но задержать фашистов хотя бы на три часа. Его, Сеницына, взвод, второй взвод первой роты! И тогда с ним, безусым мальчишкой, случился солнечный удар. Жара стояла страшная, такие случаи бывали, и пострадавшего, облив водой, увезли на повозке. Потом по дивизии объявляли приказ генерала и салютовали павшим героям, больше суток отбивавшим атаки фашистов. И тут командир роты увидел рядового Сеницына.

— Ты жив?!

Сеницын сбивчиво объяснил, что у него был солнечный удар и поэтому...

— Поня-ятно, — протянул комроты и посмотрел на Сеницына.

Никогда не забыть ему этого взгляда! С боями дошел до Берлина, честно заслужил два ордена, смысл никем не доказанную и никому не известную вину кровью, но этот взгляд долго преследовал его по ночам.

А теперь еще и Гаврилов.

Перед самым уходом «Визе» к нему подошел Гаврилов и, явно пересиливая себя, неприязненно буркнул: «Топливо подготовлено?»

Сеницын, измученный бессонницей, падающий с ног от усталости, утвердительно кивнул. И Гаврилов ушел, не попрощавшись, словно жалея, что задал лишний и ненужный вопрос. Ибо само собой разумелось, что ни один начальник транспортного отряда не покинет Мирный, не подготовив своему сменщику зимнего топлива и техники. Ну, не было в истории экспедиций такого случая и не могло быть! Поэтому в заданном Гавриловым вопросе любой на месте Сеницына слышал бы хорошо рассчитанную бестактность, желание обидеть и даже оскорбить недоверием.

Сеницын точно помнил, что кивнул он утвердительно.

Но ведь зимнее топливо, как следует, он подготовить не успел! То есть подготовил, конечно, но для своего похода, который должен был состояться полярным летом. А Гаврилов пойдет не летом, а в мартовские морозы, и поэтому для его похода топливо следовало готовить особо. И работа чепуховая: добавить в цистерны с соляром нужную дозу керосина, побольше обычного, тогда никакой мороз не возьмет. Как он мог запомнить!

Синицын чертыхнулся. Нужно немедленно бежать в радиорубку, узнать, вышел ли Гаврилов в поход. Если не вышел, сказать правду: извини, оплошал, забыл про топливо, добавь в соляр керосина. Если же Гаврилов в походе, поднять тревогу, вернуть поезд в Мирный, даже ценой потери нескольких дней, чтобы разбавить солярку.

Синицын начал одеваться, сочиняя в уме текст радиограммы, и остановился. Стоит ли поднимать панику, на скандал, проработку напрашиваться? Ну какие будут на трассе морозы? Градусов под шестьдесят, не больше, для таких температур и его солярка вполне сгодится.

Успокоив себя этой мыслью, Синицын снял с кронштейна графин с водой, протянул руку за стаканом и нащупал на столе коробочку. В полутьме прочитал: «люминал». И у Женьки нервишки на взводе... Сунул в рот две таблетки, запил водой, лег и забылся тяжелым сном.

Через три часа санно-гусеничный поезд Гаврилова ушел из Мирного на Восток.

Проблемы:

Нравственный выбор.

Проявление мужества человеком.

Как воспоминания влияют на жизнь человека?

Почему важно уметь признавать свои ошибки?

По Куваеву.

Отрывок из романа «Территория».

В палатке по ночам стало холодно. Салахов мотался по окрестностям, набирал пробы в рюкзак. Пробы он приносил Богу Огня, который, закутавшись в плащ, сидел у воды и хлюпал носом. Когда Салахов приносил пробу, он лишь моргал слезящимися от простуды глазами, сбрасывал плащ и шел в воду. Салахов

очень его жалел.

— Потерпи, — сказал он.

— А я чего? Я терплю! — быстро ответил Бог Огня.

Когда собрали лагерь, Салахов взял рюкзак Бога Огня, положил его сверху на свой.

— Я сам, я сам, — наконец сказал Бог Огня. Лицо у него было серым, и зубы постукивали в ознобе. Так как Салахов ему не ответил, то Бог Огня пробормотал, оправдываясь:

— Простудился я маленько. Только пустому мне срамотно идти.

— Придем на Ватап, там кусты, — сказал Салахов. — Устрою тебе парную, и будешь здоровый.

— Костер запалим? — На всю тундру и дальше. — Тут полубочка валяется. Надо взять, ежели баня.

— Где? — Я понесу. Она легонькая, — засуетился Бог Огня. Бог Огня сбросил бочку и сразу разжег костер. Салахов выбрал косу с ровной галькой, расчистил от снега, натаскал сухих веток. Снег перестал, но облака так и висели: выстрели дробью — прольются осадками. Они быстро наносили кучу сушняка величиной с большую копну. Бог Огня запалил ее, и скоро на гальке полыхал огромный и жаркий костер. Когда костер прогорел, в центр его поставили наполненную водой полубочку и, приплясывая от жары, натянули мокрую палатку прямо над раскаленными камнями. Салахов притащил охапку зеленых веток, бросил ее в палатку, велел Богу Огня раздеваться и залез следом сам. Банка воды, опрокинутая на гальку, взорвалась паром. Бог Огня блаженно взвыл, и так полчаса из палатки доносились взрывы пара, хлестание веток и стон. От сохранивших тепло камней палатка просохла, и они провели ночь в сухом и нежарком тепле. Утром Салахов проснулся в палатке один. Тепло все еще держалось, и Салахов полежал в дремоте. Выйдя из палатки, он увидел ясное небо и Бога Огня у воды. Тот неторопливо мыл пробу, взятую прямо у берега.

— Проснулся я прямо здоровый, — сказал рабочий и радостно передернул в

подтверждение плечами.

— Решил посмотреть на удачу в лоток. Над верховьями реки висело солнце, небо было безоблачным, и тундра, и пожелтевший кустарник сверкали радостным желтым цветом, снег исчез. Бог Огня положил лоток, снял росомашью шапку и вытащил из-за отворота ее кусок лески.

— Красную тряпочку жрет, собака. Гляди! — он преданно глянул на Салахова, метнул леску в воду и тотчас выбросил на песок крупного темноспинного хариуса. Бог Огня укрепил ноги в не по росту больших сапогах, поддержнул телогрейку, сдвинул лохматую шапку и стал челноком таскать хариусов одного за другим. Вскоре весь песок вокруг него был завален упругими отливающими перламутром рыбами.

— Хватит! — сказал Салахов.

— Остановись.

— На эту бы реку... да с сетями, да с бочками. И горб гнуть не надо. На материке-то лазишь, лазишь с бреднем, еле на уху наберешь. А если бы эту реку туда. А нашу воронежскую сюда. Все равно тут населения нету, здесь и пустая река сгодится. — Ты бы там ее за неделю опустошил, — сказал Салахов.

— За неделю? Не-ет! — вздохнул Бог Огня.

— Закрывай санаторий, — распорядился Салахов.

— Может, навялим да с собой унесем? — предложил нерешительно Бог Огня.

— Против жадности слова силы не имеют, — усмехнулся Салахов.

— Против нее автоматы нужны. Салахов, забыв, что ему надо брать пробу, все шагал и шагал по сухому берегу реки Ватап. Мысль о том, что добро к людям ведет к их же освинению, была ему очень неприятна. Какая-то безысходная мысль. По опыту армии, по опыту тюремной жизни Салахов знал, что излишняя строгость так же озлобляет людей. «Значит, ни добром, ни страхом нас не возьмешь, — думал он.

— Но должен быть какой-то подход. Должна же быть открытая дверь...» И вдруг Салахов остановился. Ответ, найденный им, был прост, очевиден. Среди множества человеческих коллективов есть, наверное, только один, который твой. Как в армии своя рота. Если ты нашел его — держись за него зубами. Пусть все видят, что ты свой, ты до конца с ними. И что у тебя все на виду. Одна крыша, одна судьба.

Проблемы:

Отношение к природе/ потребительское отношение к природе.

Человеческая жадность.

Роль дружбы в жизни человека.

По К.Г. Паустовскому

Мы прожили несколько дней на кордоне, ловили рыбу на Шуе, охотились на озере Орса, где было всего несколько сантиметров чистой воды, а под ней лежал бездонный вязкий ил. Убитых уток, если они падали в воду, нельзя было достать никаким способом.

Но больше всего времени мы проводили на Пре. Я много видел живописных и глухих мест в России, но вряд ли когда-нибудь увижу реку более девственную и таинственную, чем Пра.

Сосновые сухие леса на ее берегах перемешивались с вековыми дубовыми рощами, с зарослями ивы, ольхи и осины. Корабельные сосны, поваленные ветром, лежали, как медные литые мосты, над ее коричневой, но совершенно прозрачной водой. С этих сосен мы удили упористых язей.

Перемытые речной водой и перевеянные ветром песчаные косы поросли мать-и-мачехой и цветами. За все время мы не видали на этих белых песках ни одного человеческого следа – только следы волков, лосей и птиц.

Река шла причудливыми изгибами. Ее глухие затоны терялись в сумраке прогретых лесов. Над бегучей водой беспрерывно перелетали с берега на берег сверкающие сизоворонки и стрекозы, а в вышине парили огромные ястребы.

Все доцветало вокруг. Миллионы листьев, стеблей, веток и венчиков

преграждали дорогу на каждом шагу, и мы терялись перед этим натиском растительности, останавливались и дышали до боли в легких терпким воздухом столетней сосны. Под деревьями лежали слои сухих шишек. В них нога тонула по косточку.

Но удивительнее всего в этих местах был воздух. В нем была полная и совершенная чистота. Эта чистота придавала особую резкость, даже блеск всему, что было окружено этим воздухом. Каждая сухая ветка сосны была видна среди темной хвои очень далеко. Она была как бы выкована из заржавленного железа. Далеко было видно каждую нитку паутины, зеленую шишку в вышине, стебель травы.

А среди дня и река и леса играли множеством солнечных пятен – золотых, синих, зеленых и радужных. Потоки света то меркли, то разгорались и превращали заросли в живой, шевелящийся мир листвы. Глаз отдыхал от созерцания могучего и разнообразного зеленого цвета.

Лесные запахи набегали волнами. Подчас трудно было определить эти запахи. В них смешивалось все: дыхание можжевельника, вереска, воды, брусники, гнилых пней, грибов, кувшинок, а может быть, и самого неба... Оно было таким глубоким и чистым, что невольно верилось, будто эти воздушные океаны тоже приносят свой запах – озона и ветра, добежавшего сюда от берегов теплых морей.

Очень трудно подчас передать свои ощущения. Но, пожалуй, вернее всего можно назвать то состояние, которое испытывали все мы, чувством преклонения перед не поддающейся никаким описаниям прелестью родной стороны.

Тургенев говорил о волшебном русском языке. Но он не сказал о том, что волшебство языка родилось из этой волшебной природы и удивительных свойств человека.

А человек был удивителен и в малом и в большом: прост, ясен и доброжелателен. Прост в труде, ясен в своих размышлениях, доброжелателен в отношении к людям. Да не только к людям, а и к каждому доброму зверю, к каждому дереву.

Проблемы:

Влияние природы на человека.

Формирование положительных качеств характера благодаря природе.

